

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ПЕРЕЛЬМУТЕР Н. А.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАЛОГА

Вопросы, связанные с разграничениями в сфере залоговой семантики, с выделением отдельных залоговых значений, принадлежат в языкознании к числу остро дискуссионных. Традиционные способы описания различных функций косвенно-залоговых форм глагола в конкретных языках навлекли на себя справедливые упреки в произвольности и субъективизме. Отдельные значения форм косвенного залога часто выделяются по разным основаниям [1], отсутствует четкость и однородность деления, непоследовательное семантическое дробление [2, с. 26] оказывается несовместимым с предельностью, конечностью решения [2, с. 26] в сфере залоговой семантики. В настоящее время назрела необходимость выработки непротиворечивых критериев, которые позволили бы адекватно определить сущность залоговых значений. Установлению таких критериев и посвящена настоящая статья.

Наличие грамматической категории залога в системе глагола признается по отношению к самым различным и.е. языкам. В и.е. языках представлены специальные показатели и особые формы, традиционно рассматриваемые в качестве показателей и форм косвенного залога. Вместе с тем не подлежит сомнению и тот факт, что во многих случаях формы косвенного залога не отличаются по своему залоговому значению от исходных немаркированных форм глагола, далеко не всегда оппозиции залоговых форм соответствует семантическое противопоставление залогового характера. По отношению к русскому языку факт этот был уже давно отмечен выдающимися отечественными лингвистами — А. А. Шахматовым и В. В. Виноградовым. Так, у А. А. Шахматова мы читаем: «Различные оттенки возвратного залога (речь идет о различных значениях глагольных форм с аффиксом -ся. — П. И.) только отчасти залоговые... Другие оттенки в сущности не залоговые, а видовые» [3]. В. В. Виноградов, подводя итог рассмотрению пятнадцати значений аффикса -ся в современном русском языке, пишет: «Система значений глаголов на -ся лишь частично связана с выражением синтаксического отношения действия к субъекту (а соотносительно с субъектом — и к объекту). С ней органически срослись и видовые различия действия, и сложные изменения и переходы лексических значений глаголов» [4].

На современном этапе изучения соответствующего круга вопросов вполне ясно, что даже самое детальное описание функционирования так называемых залоговых форм в отдельных языках не может решить проблемы залога. В первую очередь необходимо определить, что представляет собой залог в плане семантическом, какова природа залогового значения. Ситуация, в которой оказалось исследование проблем залога, породила необходимость более углубленного теоретического подхода, поисков в таких сферах, которые непосредственно не связаны с конкретной грам-

матикой того или иного языка, пути исследования, идущего не от формы к функции, а от функционально-семантического уровня к уровню формально-грамматическому. Иными словами, возникла необходимость в применении метода научной дедукции.

Особенно важную роль призван сыграть семантический анализ залоговой сферы по отношению к древним и.-е. языкам — древнегреческому, древнеиндийскому, хеттскому. В новых и.-е. языках (славянских, балтийских, германских, романских) проведение разграничений в сфере залога может в большей мере опираться на формальные критерии, т. к. в этих языках систему залоговых форм, противопоставленных активу, составляют два отчетливо различающихся между собой в формальном отношении компонента — рефлексивные (местоименные) глаголы и аналитические причастные конструкции. В древних и.-е. языках все косвенно-залоговые значения передаются единообразным путем — с помощью медиальных форм; формальные же разграничения, имеющиеся в отдельных языках видо-временной системы (например, в аористе древнегреческого глагола), связаны с семантическими различиями не прямо и непосредственно, а лишь отдаленно и непоследовательно. Поскольку формальные критерии не могут служить основой для проведения разграничений в сфере залога в древних и.-е. языках, решающая роль должна здесь принадлежать семантическому анализу. Семантическое определение залога, проведение разграничения между такими значениями, которые могут быть признаны залоговыми, и такими, которые не могут быть признаны в этом качестве, представляет бесспорный интерес и для новых и.-е. языков, как, впрочем, и для других языков.

Начнем с положений вполне общепризнанных, не являющихся объектом научных дискуссий. Никто не будет спорить с тем, что различие между конструкциями *Мастер затачивает инструмент* и *Инструмент затачивается мастером* есть различие залоговое: первая конструкция является активной, вторая — пассивной. Залоговое различие нельзя рассматривать как чисто смысловое: в плане внеязыковой семантики оба высказывания вполне тождественны друг другу, они отражают одну и ту же реальную ситуацию. С другой стороны, невозможно определить залоговое различие между двумя приведенными конструкциями, опираясь только на данные языковой формы и полностью игнорируя смысл. Тот факт, что во втором высказывании в качестве глагола-сказуемого выступает глагольная форма с аффиксом *-ся*, не является решающим; формы с *-ся* по своему залоговому значению часто не отличаются от соответствующих немаркированных форм глагола. Различие между приведенными высказываниями в плане залогового значения заключается только в том, что в первом из них подлежащее соответствует субъекту действия, но не соответствует объекту действия, а во втором — подлежащее соответствует объекту действия, но не соответствует субъекту действия. Таким образом, залоговое значение детерминировано наличием определенных соответствий между единицами синтаксического и семантического уровней [5; 6, с. 211; 7].

Попытаемся ответить на вопрос, какие именно единицы обоих указанных уровней должны быть приняты во внимание при выделении и разграничении залоговых значений. Рассмотрим этот вопрос сначала применительно к уровню семантики. Поскольку термины «субъект» и «объект» употребляются в языковедении в разнообразных значениях, в качестве семантических единиц, определяющих в соотношении с единицами синтаксического уровня залоговое значение глагола-сказуемого, целесооб-

рашно рассматривать такие понятия, как «субъект действия» и «объект действия». В подавляющем большинстве случаев пассивному преобразованию подвергаются глаголы, которые обозначают подлинные действия. сопряженные с преднамеренностью и приложением усилий. Исключения все же имеются. В некоторых случаях пассивному преобразованию подвергаются глаголы, не означающие действия в прямом смысле этого слова, в частности — глаголы со значением эмоционального состояния: *Все любят Петра.¹ Петр любим всеми.* Грамматическим субъектом глагола, подвергающегося пассивному преобразованию, могут быть обозначения стихий, сил природы. *Молния сожгла дерево / Дерево сожжено молнией.* В случаях последнего типа мы, правда, сталкиваемся со значением «приложение энергии, силы», но о намеренности, целенаправленности действия здесь говорить, разумеется, нельзя. Наличие подобных исключений не свидетельствует, на наш взгляд, о неприменимости соответствующих понятий и терминов к сфере залоговых преобразований. Необходимо учитывать, что непосредственно противостоят единицам уровня языкового выражения единицы уровня языковой семантики. При этом единицы языковой семантики, хотя и опираются в конечном счете на отражение внеязыковых реальностей, не сводятся к ним целиком. В единицах уровня языковой семантики присутствуют элементы прямого отражения внеязыковой действительности, но, наряду с ними, также элементы, порожденные фактором языковой интерпретации. С учетом этого фактора в понятие «субъект действия» включаются, наряду с подлинными производителями действия, подлинными агенсами, также квазиагенты, в реальности не являющиеся производителями действия, но уравниваемые с таковыми языковым сознанием. С соответствующими изменениями все сказанное должно быть отнесено также к понятию «объект действия».

Теперь предстоит ответить на вопрос о том, в соотношении с какими единицами синтаксического уровня выделенные выше единицы семантического уровня формируют залоговые значения. Вопрос этот далеко не новый, его изучение имеет давнюю историю. Вполне естественно поэтому, что мы вступаем здесь в область острых научных дискуссий. Наибольшее значение имеют две противостоящие друг другу точки зрения. В соответствии с одной из них, в определении залогового типа конструкции играют роль как подлежащее, так и дополнение; сторонники второй точки зрения считают определяющей для залога только функцию подлежащего. На наш взгляд, точка зрения, согласно которой на формирование залоговых значений оказывают одинаковое влияние как подлежащее, так и дополнение, может вызвать определенные возражения. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что подлежащее и дополнение участвуют в формировании залоговых значений совершенно различным образом, на совершенно различных основаниях. Различия между активной конструкцией предложения, возвратной конструкцией, пассивной конструкцией связаны, с одной стороны, с функцией подлежащего, а с другой стороны — с наличием или отсутствием дополнения. Уже это показывает, что подлежащее и дополнение играют далеко не одинаковую роль в формировании залоговых значений. Более того, наличие или отсутствие дополнения в различных залоговых конструкциях выступает во многих языках как находящееся в прямой зависимости от функции подлежащего, как факт вторичный и производный, целиком определяемый функцией подлежащего. Рассмотрим конкретные залоговые конструкции: *Он великолепно защищался на судебном процессе.* Перед нами прямо-возвратное значение. Прямого дополнения при глагольной форме

защищался нет. Но отсутствие прямого дополнения при глагольной форме с прямо-возвратным значением объясняется тем, что действие не распространяется здесь ни на какой внешний по отношению к субъекту объект, поскольку оно направлено на сам субъект, — отсутствие прямого дополнения в данном случае представляет собой факт вторичный, производный, целиком определяемый функцией подлежащего в данной конструкции, соотносительностью подлежащего как с субъектом действия, так и с объектом действия. Возьмем еще один пример, на сей раз — глагольную форму со значением, которое в русской грамматической традиции принято называть средне-возвратным или обще-возвратным: *Он пробудился.*¹ Здесь также нет при глаголе прямого дополнения, а это вполне объяснимо. Ведь речь здесь идет о смене состояний, а вовсе не о действии; подлежащее в этой конструкции не соответствует субъекту действия, а там, где нет действия, не может быть и объекта действия. Следовательно, и в данном случае отсутствие прямого дополнения вторично и производно. Сходную картину мы наблюдаем и при пассивной конструкции, подлежащее которой также не обозначает субъекта действия. Если подлежащее не соответствует субъекту действия, сказуемое не может выражать действия, а при отсутствии действия не может быть и объекта действия¹. Во всех указанных случаях отсутствие прямого дополнения вторично и производно, оно целиком определяется факторами семантического порядка, а именно функцией подлежащего, соотношением подлежащего с единицами семантического уровня. В соответствии со всем этим можно дать определение залоговых значений, принимая во внимание только подлежащее в его соотношении с элементами семантического уровня, поскольку именно функция подлежащего оказывает решающее влияние на все особенности построения конструкции того или иного залога.

В пользу того, что наличие или отсутствие прямого дополнения не играет решающей роли в определении залогового значения глагола-сказуемого, можно привести некоторые дополнительные данные. Если в современных и.-е. языках, в частности в русском, наличие или отсутствие прямого дополнения определенным образом коррелирует с залоговым характером соответствующей конструкции (прямое дополнение представлено в исходной конструкции действительного залога, оно отсутствует в конструкциях с пассивным, прямо-возвратным и некоторыми другими залоговыми значениями), то в древнегреческом наличие или отсутствие дополнения в винительном падеже не находится даже в строгой корреляции с залоговыми значениями. В древнегреческом языке при конструкциях с пассивным, прямо-возвратным и некоторыми другими залоговыми значениями дополнение в винительном падеже обычно отсутствует, однако, в отличие от русского языка и других современных европейских языков, отсутствие аккузативного дополнения в древнегреческом языке не является в подобных случаях строгим, неукоснительно соблюдаемым правилом. В древнегреческом языке в синтаксической зависимости от глагольной формы с пассивным и прямо-возвратным значениями может стоять имя в форме винительного падежа, выполняющее роль дополнения.

¹ В состав пассивной конструкции может, правда, входить так называемое агентивное дополнение, но факт наличия или отсутствия так называемого агентивного дополнения не определяет собой залоговой статус конструкции. Хорошо известно, что многим языкам (в том числе и некоторым и.-е., например, латышскому [8]) трехчленные пассивные конструкции не свойственны, но и в тех языках, в которых трехчленные пассивные конструкции в принципе возможны, они встречаются все же очень редко, много реже двучленных пассивных конструкций.

Так, например, глагол φυλάσσω может выступать в значении «оберегать кого-л. или что-л. от кого-л. или чего-л.». При медиальной форме этого глагола с прямо-возвратным значением может наличествовать аккузативное дополнение, обозначающее лицо или предмет, от которого оберегают себя; медиальная форма глагола φυλάσσω с прямо-возвратным значением, сочетающаяся с дополнением в форме винительного падежа, встречается, в частности, у Эсхила (A. Pr. 715; A. Pr. 804) ² и Геродота (Hdt. 1.108). От глаголов со значением «пугать, устрашать» формы с косвенно-заложенным значением «пугаться, устрашаться» в русском языке и в других современных европейских языках выступают как интранзитивные, в древнегреческом же языке в подобных случаях медиальные формы глаголов могут управлять аккузативным дополнением, обозначающим лицо или предмет, которого страшатся. Медиальные формы глагола φοβέω «пугать, страшить», выступающие в значении «пугаться, страшиться», встречаются в сочетании с дополнением в форме винительного падежа, в частности, у Эсхила (A. Supp. 893), Софокла (S. Ph. 1250), Ксенофонта (X. Cyr. 3.1.24). Формы косвенного залога могут управлять винительным падежом дополнения и в тех случаях, когда они имеют явно выраженное пассивное значение. В текстах памятников древнегреческого языка встречаются медиальные формы с пассивным значением, управляющие дополнением в форме винительного падежа, в частности, от глагола ἀποστέρω «лишать кого-л. чего-л.»: ὁ δὲ Αἰάλης... ὑπὸ τοῦ Μιλήσιου Ἀριστάρχου ἀποστέρητο τὴν ἀρχήν (Hdt. 6.13) «Эак... был лишен (ἀποστέρητο — медиальный плюсквамперфект с пассивным значением от глагола ἀποστέρω) власти (τὴν ἀρχήν — форма винительного падежа) Аристархом из Милета». Сходным образом функционируют в древнегреческом языке также медиальные формы с пассивным значением и от некоторых других глаголов.

Рассмотренные выше случаи употребления винительного падежа в древнегреческом языке представляют собой одно из проявлений большого своеобразия функционирования аккузатива в этом языке, обнаруживают «характерные для древних индоевропейских языков более широкие возможности управления глаголов винительным падежом» [9] по сравнению с новыми и.-е. языками. «Древнегреческий язык... часто имеет конструкцию с винительным прямым дополнением в тех случаях, где в новых индоевропейских языках используются другие падежи или предложные обороты» [10]. Функционирование аккузативного дополнения в древнегреческом языке в некоторых отношениях, безусловно, отличается от функционирования дополнения в форме винительного падежа в новых и.-е. языках. Во всяком случае, приведенный материал показывает, что имеются языки, в которых косвенно-залоговые глагольные формы с прямо-возвратным значением, с пассивным значением могут сочетаться с винительным падежом дополнения. А это, в свою очередь, предоставляет еще один важный довод в пользу того воззрения, согласно которому определяющую роль в формировании залоговых значений играет подлежащее в его функционировании, а роль дополнения является вторичной и подчиненной. Вывод об определяющей роли подлежащего в формировании залоговых значений и залоговых конструкций вполне традиционен, его придерживались многие видные языковеды прошлого, с ним солидаризуются многие современные специалисты в области теоретической грамматики.

² В статье приняты следующие сокращения: A. Pr.—Aeschylus. Prometheus Vinctus; Hdt.—Herodotus. Historiae; A. Supp.—Aeschylus. Supplices; SPh.—Sophocles. Philoctetes; X. Cyr.—Xenophon. Cyropaedia.

Приведу здесь мнение лишь одного современного советского исследователя: «При определении залога необходимо и достаточно учитывать лишь отношение действия к его субъекту и глагола-сказуемого к его подлежащему» [11].

Итак, в ходе предшествующего рассуждения выделены две единицы семантического уровня — субъект действия и объект действия, и одна единица синтаксического уровня — подлежащее. Теперь можно перейти к вопросу о формирующих залоговые значения типах соотношения между единицами семантического уровня и подлежащим предложению. Вопрос этот решается по-разному. В настоящее время наиболее распространенной можно считать точку зрения, согласно которой в качестве формирующих залоговое значение типов соотношения между единицами семантического уровня и подлежащим предложению следует рассматривать только соотношение двух типов: 1) подлежащее соответствует субъекту действия, и в этом случае перед нами конструкция действительного залога; 2) подлежащее соответствует объекту действия, и в этом случае мы наблюдаем конструкцию страдательного залога. По-видимому, все же для ограничения сферы залога лишь одной оппозицией «актив/пассив» нет достаточных оснований. При активе подлежащее соответствует субъекту действия; при пассиве подлежащее соответствует объекту действия, но не соответствует субъекту действия; при возвратности подлежащее соответствует и субъекту действия, и объекту действия одновременно. Если исходить из этих данных, то трудно понять, почему многими исследователями оспаривается залоговый статус возвратности; ведь вполне очевидно, что залоговое значение возвратности может быть выделено на основе тех же признаков, посредством которых устанавливается залоговое значение актива и пассива. Некоторые исследователи настаивают на том, что глагольные формы с возвратным значением представляют собой самостоятельные лексемы, что они связаны с исходным немаркированным глаголом не словообразовательными, а словообразовательными отношениями. Так, Б. Ю. Норман пишет: «Значение возвратного глагола не выводится как сумма значений невозвратного глагола и возвратно-личного местоимения. Вся конструкция слилась в смысловое единство, образовав новое словарное значение, которое обычно далеко отходит от значения своих этимологических компонентов, в том числе — от семантики невозвратного глагола...» [2, с. 88]. При этом автор специально подчеркивает, что возвратные глаголы с собственно-возвратным значением представляют собой самостоятельные лексемы по отношению к соответствующим невозвратным глаголам, как и все прочие возвратные глаголы: «...функция возвратного элемента в собственно-возвратных глаголах та же, что и во всех возвратных глаголах: образование новой лексемы» [2, с. 100].

Нельзя полностью исключить то, что в некоторых случаях выражение собственной возвратности может быть осложнено какими-либо добавочными значениями, но наряду с этим наблюдения над множеством возвратных глаголов с собственно-возвратной семантикой показывают, что значения этих глаголов вполне сводимы к сумме значений соответствующего невозвратного глагола и местоименного показателя: на один из компонентов значения исходных составляющих не исчезает, никаких новых компонентов значения не появляется. Ср.: *Она долго причислялась (причисляла себя) перед зеркалом. / Она долго причисляла своего ребенка; Постарайся настроиться (настроить себя) на серьезный лад. / Постарайся настроить его на серьезный лад; Не казнись (не казни себя) напрасно. / Не казни меня напрасно; Ты оправдываешься (оправдываешь себя) очень*

неумело. Ты оправдываешь своего друга очень неумело; Зачем ты унижаешься (унижаешь себя)?! Зачем ты унижаешь этого ни в чем неповинного человека?

У всех приведенных глаголов и у множества других семантика возвратных форм с собственно-возвратным значением полностью сводима к сочетанию семантики исходного глагола и местоименного показателя. Возвратные и невозвратные формы глаголов, построенные в цепочку, образуют в подобных случаях вполне безупречную пропорцию, не уступающую по своей регулярности соотношению пассивных и активных форм одного глагола. Таким образом, сопоставление значений возвратных глаголов, выражающих собственную возвратность, со значениями соответствующих невозвратных глаголов не дает, на наш взгляд, основания для того, чтобы усматривать между теми и другими глаголами семантические различия лексического характера, чтобы относить эти формы к разным лексемам. В качестве важного довода против залогового, грамматического статуса возвратности часто указывают на то обстоятельство, что далеко не все глаголы, будучи маркированными в залоговом отношении, могут служить для выражения собственной возвратности, — это значение может быть придано лишь ограниченному числу глаголов. Но факт ограниченного охвата глагольной лексики прямой возвратностью не лишает ее статуса грамматического значения. «Грамматическая классификация, связанная с тем или иным категориальным значением, может охватывать лексический материал полностью или частично» [12, с. 18]. «Отдельные, грамматические категории могут быть более лексичны, чем другие, а вследствие этого их степень зависимости от значения оформляемой лексемы может быть большей» [12, с. 30]. Напомню здесь о том, что некоторые падежные значения (например, темпоральные значения родительного и винительного падежей в русском языке) также могут быть выражены лишь ограниченным числом существительных, принадлежащих к определенным лексико-семантическим группам. Тем не менее все признают эти значения падежей грамматическими, никто не пытается вывести эти значения за пределы грамматики, за пределы словоизменения и рассматривать формы, наделенные этим значением, в качестве самостоятельных лексем.

Наряду с широко распространенным взглядом на оппозицию «актив/пассив» как на единственную подлинно залоговую оппозицию, в современном языкознании представлено воззрение, согласно которому в качестве залогового надлежит рассматривать также и собственно-возвратное значение. К числу сторонников этого воззрения принадлежат и современные советские исследователи В. З. Паффилов [6, с. 214], Е. В. Падучева [13], В. Г. Гак [14].

Те лингвисты, которые рассматривают собственно-возвратное значение, наряду с активным и пассивным, в качестве залогового значения, признают также залоговый статус взаимного (взаимно-возвратного) значения. В конструкциях с взаимно-возвратным значением грамматический субъект обозначает множество лиц (или живых существ), каждое из которых совершает одно и то же действие по отношению к остальным лицам, входящим в это множество, и подвергается как объект тому же действию со стороны этих лиц. Взаимно-возвратное значение характеризуется тем же типом соотношения подлежащего с единицами семантического уровня, что и собственно-возвратное значение: подлежащее соответствует одновременно субъекту действия и объекту действия. Остается открытым вопрос о том, исчерпываются ли перечисленными залоговыми значениями

все возможные залоговые значения вообще, могут ли быть выделены какие-либо залоговые значения дополнительно к указанным выше.

Итак, в конструкции с глагольным предикатом, выступающим в значении действительного залога, подлежащее соответствует субъекту действия, но не соответствует объекту действия; в конструкции с глагольным предикатом страдательного значения подлежащее соответствует объекту действия, но не соответствует субъекту действия; в конструкции с глагольным предикатом собственно-возвратного (или взаимно-возвратного) значения подлежащее соответствует одновременно и субъекту действия, и объекту действия. Здесь рассмотрены все возможные варианты соответствия подлежащего двум единицам семантического уровня (субъекту действия и объекту действия), кроме одного. Имеется еще одна, во всяком случае — чисто теоретическая, чисто логическая возможность: подлежащее не соответствует ни субъекту действия, ни объекту действия. Естественно возникает вопрос, согласуется ли с этой возможностью, выявленной на чисто теоретическом, логическом уровне, какая-либо языковая реальность. На этот вопрос можно ответить утвердительно. Ср.: *В это утро Петр пробудился позже обыкновенного. Девотат подлежащего здесь, безусловно, не является субъектом действия; никакого действия, сопряженного с намерением и приложением усилий, Петр не совершал. С другой стороны, девотат подлежащего нельзя рассматривать как объект действия: Петр не подвергался никакому воздействию, его никто не разбудил, его ничто не разбудило, пробуждение произошло непроизвольно, спонтанно, само собой. К предикату приведенного высказывания уместен не вопрос «Что сделал Петр?», а вопрос «Что произошло с Петром?» Девотат подлежащего, не соотносимо ни с субъектом, ни с объектом действия, может быть неодушевленным: *За эту зиму ветхая изба развалилась совсем*. Приведенные формы глагола описывают некое происшествие, некое событие, приводящее к изменению состояния девотата подлежащего. Формы глагола, обозначающие самое состояние, также характеризуются в плане своего залогового значения тем, что грамматически связанное с ними подлежащее не соответствует ни субъекту, ни объекту действия. В высказывании *Петр сердится* нет речи о каком-либо действии Петра, здесь не уместен вопрос «Что делает Петр?», но так же, как и по отношению к высказыванию, приведенному выше, здесь следует задать вопрос «Что происходит с Петром?». Различие между обозначением события и обозначением состояния лежит в плане вида, в плане аспектальном, в плане залога они вполне тождественны друг другу.*

Значение непроизвольно происходящего события и состояния характеризуется в плане соотношения подлежащего с единицами семантического уровня только с отрицательной стороны, а именно — это значение возникает у глагольного предиката в тех случаях, когда подлежащее данного предиката не соответствует ни субъекту действия, ни объекту действия. Следует учесть, что наличие положительной соотнесенности с субъектом или объектом действия вовсе не обязательный признак подлежащего, при именном предикате подлежащее такой соотнесенностью обладать не может. Отсутствие соотнесенности подлежащего с субъектом и объектом действия при глагольном предикате связано с определенными положительными признаками. Глагольный предикат, подлежащее которого не соответствует ни субъекту, ни объекту действия, всегда обозначает 1) некое событие, происходящее не вследствие целенаправленных усилий с чьей-либо стороны, а самопроизвольно, спонтанно, само собой; 2) состояние, возникновение и течение которого также представляет собой

процесс самопроизвольный. Современное языкознание подошло достаточно близко к установлению данного залогового значения. Так, М. М. Гухман проводит разграничение между тремя типами подлежащего, отличающимися друг от друга по характеру функционирования, на основе признаков соотношения подлежащего с единицами семантического уровня. По мнению М. М. Гухмана, подлежащее может соответствовать агенту, может соответствовать пациенсу, но может не соответствовать ни тому ни другому (нейтральный носитель признака) [15]. Сходные показатели использовались исследователями для выделения разрядов глагольной лексики. Б. Гавранек проводит разграничение между глаголами действительности и глаголами состояния, подлежащим которых «не является ни *agens*, ни *patiens* глагольного предиката» [16]. О демиактивных и демипассивных глагольных предикатах пишет Т. Б. Алисова, устанавливающая, наряду с оппозицией «актив/пассив», также оппозицию «активность/неактивность» [17]. Пассив включает М. М. Гухман в более общую категорию инактивности [18], а это значит, что наряду с пассивной инактивностью существует и некая инактивность, отличная от пассива, непассивная инактивность. Идея непассивного инактива распространена достаточно широко, хотя большей частью она не связывается с понятием залога или залогового значения. Ближе других к рассмотрению непассивной инактивности в рамках залоговой проблематики подошли специалисты в области английского языка. Так, например, рассматривая предложения типа *The door opened* «Дверь открывалась», Л. С. Бархударов приходит к следующему заключению: «В предложениях этого типа подлежащее не обозначает ни деятеля, ни объект действия; оно обозначает предмет, в котором действие проявляется, в пределах которого оно протекает... У нас есть основание усматривать в этих конструкциях наличие особого значения формы действительного залога, которое можно назвать средним или медиальным» [19]. Современные специалисты в области английского языка применяют для обозначения интересующего нас явления в сфере залоговых значений термины «общий залог», «немаркированный пассив», «полупассив» [20]. Во всяком случае, залоговый статус так называемого непассивного инактива признается по отношению к материалу английского языка многими исследователями.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что идея непассивного инактива распространена достаточно широко, а рассмотрение этого значения в качестве залогового также получило определенное признание. Новое в предлагаемом нами освещении вопроса о непассивной инактивности заключается только в одном: в статье показано, что значение непассивного инактива может быть выявлено на основе тех же признаков, что и другие залоговые значения — значения актива, рефлексива, реципрока и пассива.

Итак, выше были рассмотрены все возможные варианты соответствия подлежащего двум единицам семантического уровня — субъекту действия и объекту действия. Выяснилось, что каждый из вариантов этого соотношения соотносится с определенным залоговым значением. Поскольку, кроме уже рассмотренных, не может быть никаких иных типов соотношения подлежащего с единицами семантического уровня, то в рамках разрабатываемой здесь концепции никаких иных залоговых значений, кроме рассмотренных выше, не может быть выявлено.

В уточнении нуждаются названия залоговых значений: никаких возражений не могут вызвать традиционные названия «актив» и «пассив», но у того значения, которое определено нами как значение непассивного

инактив, характеризующего специфику обозначения самопроизвольно протекающих процессов, событий и состояний, традиционного названия нет. Для обозначения пассивной инактивности можно предложить термин «инертив» (от латинского прилагательного *iners, eris* «бездеятельный»). Широко признается, что возвратное и взаимное значения представляют собой разновидности одного более общего залогового значения. Выше было показано, что оба указанных значения характеризуются одним и тем же типом соотношения подлежащего с единицами семантического уровня. Тем не менее то залоговое значение, разновидностями которого являются возвратное и взаимное значения, не имеет еще специального наименования: в языкознании отсутствует термин, который мог бы служить общим названием для рефлексива и реципрока. В качестве такого общего названия можно предложить термин «реверсив», по своей внутренней форме совпадающий с терминами «рефлексив» и «реципрок» («реверсив» — от латинского глагола *revertor, reverti* «возвращаться»). Это слово обладает тем преимуществом, что оно не связано в лингвистике ни с каким специальным значением.

На основании всего изложенного можно сформулировать общее определение залоговых значений: залоговые значения — это такие значения глагольного предиката, которые определяются функцией подлежащего, отражая все возможные типы соотношения между подлежащим и единицами семантического уровня — субъектом действия и объектом действия. Предлагаемая нами классификация залоговых значений («актив, реверсив, инертив, пассив») основана на одном эксплицитно выраженном принципе, что обеспечивает однородность и последовательность деления, а также предельность, конечность решения задачи. Основываясь на при знаке соотнесенности подлежащего с единицами семантического уровня, можно решить еще одну задачу, а именно провести разграничение между двумя типами оппозиций залоговых форм — между оппозициями, в которых формальному противопоставлению соответствует семантическое залоговое противопоставление, и оппозициями, противопоставленные члены которых не отличаются друг от друга по своему залоговому значению. Выше уже говорилось о том, что оппозиции залоговых форм далеко не всегда соответствует семантическое противопоставление залогового характера. Так, например, в оппозиции залоговых форм, немаркированный член которой обозначает каузацию некоего действия, а маркированный — само это действие (*отправлять/отправляться, возвращать/возвращаться* и т. д.), оба члена оппозиции выражают залоговое значение актива, т. е. грамматический субъект обоих членов соответствует субъекту действия и не соответствует объекту действия (*Петр отправил племянника в город / Племянник Петра отправился в город*). Сходная картина наблюдается и при оппозициях залоговых форм, противопоставленные члены которых обозначают действия, которые осуществляются участниками одной ситуации, играющими в ней различную роль: *учить / учиться, лечить / лечиться* и т. д. Оба участника ситуации (*Петр учит Александра / Александр учится у Петра*) выступают как дейтели, грамматические субъекты обоих членов оппозиции соответствуют субъекту действия и не соответствуют объекту действия, причем формальное залоговое преобразование в указанной оппозиции не сопровождается изменением залогового значения: по своей залоговой семантике оба члена данной оппозиции залоговых форм принадлежат активу.

Таким образом, использование признака соотнесенности подлежащего с единицами семантического уровня позволяет, с одной стороны, разрабо-

тать отчетливую и последовательную классификацию залоговых значений и, с другой стороны, провести разграничение между явлениями, относящимися к сфере залоговой семантики, и явлениями, находящимися за пределами этой сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983. С. 11.
2. Норман В. Ю. Переходность, залог, возвратность (На материале болгарского и других славянских языков). Минск, 1972.
3. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 476.
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947. С. 637.
5. Панфилов В. З. О залоге глагола в нивхском языке // Вопросы грамматики. Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960. С. 103.
6. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
7. Холодович А. А. Залог. I: Определение. Исчисление // Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 289.
8. Endzelin J. Lettische Grammatik. Heidelberg, 1923. S. 763.
9. Десницкая А. В. О происхождении винительного падежа в индоевропейских языках // Десницкая А. В. Сравнительное языковедение и история языков. Л., 1984. С. 80.
10. Десницкая А. В. К истории развития грамматической категории винительного падежа в индоевропейских языках (Функции винительного падежа в языке гомеровской «Илиады») // Десницкая А. В. Сравнительное языковедение и история языков. Л., 1984. С. 114.
11. Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. I) // ИАН СЛЯ. 1976. № 5. С. 414.
12. Ярцева В. Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
13. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974. С. 230.
14. Гак В. Г. О грамматическом значении и его объяснении // ИЯШ. 1976. № 6. С. 10.
15. Гухман М. М. Позиции подлежащего в языках разных типов // Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972. С. 21—22.
16. Гагарин Б. Залог (genetivus verbi) в старославянском языке в сравнительном плане // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. С. 16.
17. Алисова Т. Б. К вопросу о так называемых «стативных» предикатах // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языковедения. 11—16 ноября 1974 г.: Тез. докл. секционных заседаний. М., 1976. С. 55, 58.
18. Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981. С. 47, 51.
19. Барзударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975. С. 110.
20. Шубия Э. Г. Залоговое значение пассивных конструкций в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. С. 5.